

М.В. Бабич (Москва)

«ПРЕДЛОЖЕНИЕ» И.-Б. КАМПЕНГАУЗЕНА И ВОЕННЫЕ РЕФОРМЫ 1730-Х ГОДОВ

Ц ЕЛЬ НАСТОЯЩЕЙ СТАТЬИ – представление до сих пор не исследованного «Предложения, как... воинство в добрый порядок приведено может быть...» И.-Б. Кампенгаузена в качестве реформаторского проекта. Субъективная ориентированность автора, полковника одного из гренадерских полков, датировавшего его 1721 г., очевидна уже из препровождения сочинения Петру I, в архивном фонде «Кабинета» которого и хранится копия¹. А также из длиннейшего названия², в конце концов точнее характеризующего содержание желаемых «определений», чем предваряющий изложение перечень глав-«пунктов»³.

Объективно потенциал названного произведения подтверждается востребованностью при ближайших преемниках Петра. Его дошедшая до нас версия находится в материалах образованной в 1727 г., но вскоре закрытой Воинской комиссии, имеет следы редакторской правки и сопровождается выписками, которые вместе с современной им описью всего делопроизводственного комплекса доказывают использование бывшим кабинет-секретарем А.В. Макаровым в работе по будущему рассмотрению об армии. Выяснение обстоятельств этой работы⁴ дало новые основания давнему заключению о преемственности между несостоявшимися в 1727 и 1729 гг. законосовещательными предприятиями и добившейся впечатляющих законодательных результатов Воинской комиссией 1730 г. Выявив, в частности, продолжение до ее открытия сотрудничества А.В. Макарова с влиятельнейшим «министром» Анны Иоанновны А.И. Остерманом, наметившегося в 1726 г.

Знание и оцененность последним «Предложения» зафиксированы в инициированном им запросе в Военную коллегияу 1736 г. о сданных туда полковых книгах И.-Б. Кампенгаузена⁵, петровское повеление о «рописи» которых и побудило того к более широким рассуждениям. Учредительный указ Комиссии 1730 г. почти буквально повторил его восклицание о «великих не порядках, которые особливо при отдаче мундира происходят». И так же связал «необходимую нужду» армии в «одной калибре» с «какой баталией или акцией», как он свои сетования о полученном в 1720 г. четырехкалиберном ружье с памятью о «несчастных» потерях Швеции в победном для нее сражении под Мурмызой 1705 г. из-за выступления туда с фузеями двух калибров⁶. А затем дал безусловную установку на «генеральный смотр» людей и «вещей», «неотменность» которого дважды в год доверенными лицами монарха (кому «ни до чего другого дела нет») пронизывает «Предложение». Установку, которая столь же безусловно осуществилась в учреждении 7 декабря 1731 г. воинских инспекторов.

Однако этим неоспоримые свидетельства вклада И.-Б. Кампенгаузена в преобразования 1730-х гг. исчерпываются. Опыты плановых фронтальных смотров 1728 и 1729 гг.⁷ как будто указывают на восприятие центральной мысли «Предложения» приближенными к трону и на укрепление престижа его автора, в чине генерал-майора прочившегося в Комиссию 1729 г. и присутствовавшего в Комиссии 1730 г.⁸ Но это слабо согласуется с его выходом в отставку еще до начала исполнения по соответствующему «пункту» комиссиональной Инструкции⁹.

Более того, сложившиеся к 1730-м гг. приемы такого исполнения в собраниях специалистов во вверенной им области не предполагали записи обсуждения готовившихся актов, а неполнота архива конкретного собрания не допускает и отслеживания его документооборота. Поэтому не только процесс принятия решений, но и их гипотетические источники воссоздаются лишь фрагментарно, не давая уверенности в том, что «Предложение», появившийся под эгидой А.В. Макарова экстракт из него или другие подобные сочинения в Комиссии слушались.

Даже единогласные «мнения» ее членов лаконичнее обычного – как приложения к сведенным в монументальные табличные штаты (табели) вооруженных сил спискам их структурных единиц, численности и предметов довольствия. Ведь оптимизацию их издания

1720 г., в 1725–1727 гг. официально раскритикованного, получившие именной указ от 1 июня 1730 г. генералы, бригадиры и полковники должны были произвести в первую очередь. В аналогичные таблицы и сухие должностные предписания вылились и положения комиссиональной программы, выводы о благодетельности которых аннинская элита сделала самостоятельно.

Отражение результатов ее коллективного творчества (в лице представителей в Комиссии, активно реагировавшем на донесения отсюда Сенате и направлявшем их деятельность окружении императрицы) слишком отлично от «Предложения», отмеченного яркими индивидуальными чертами. Невозможность применять к таким документам традиционный текстологический анализ с элементами реконструкции исторической обстановки и отдельных биографий вместе с тем оставляет открытым путь их сопоставления исключительно на уровне идей. Понимая под идеями представления о насущных потребностях преобразуемой среды, для высказывания которых авторы, не столько военные теоретики или политические мыслители, сколько удачливые практики искусства управления, выбирали не выверенные ученые категории, а расхожие идеологические клише.

С той разницей, что над рядовым полковником из остзейцев, пекшимся об армейском благоустройстве из «горячего сердца», не довел груз ответственности, который в «России без Петра» лежал на его сподвижниках, взявшихся за такое благоустройство в условиях задачи сбросить сильное войско и ослабить налоговый гнет над содержащим его податным населением. Правда, «Предложение» возникло тогда, когда об угрожающих целостности страны бедствиях крестьян из-за удвоения в 1720 г. против штатов 1711/12 г. затрат на солдат «верхи» еще не думали. А хотя бы и думали, не осмелились бы возвысить голос, как после смерти великого императора генерал-прокурор Сената П.И. Ягужинский, настроения которого многие сановники испытывали до конца 1720-х гг.

И.-Б. Кампентаузен сочувствовал «бедным подданным» и в начале 1720-х гг. Но сочувствовал не их обнищанию или притеснениям вообще, а сверхвременности («убытку напрасному») рекрутскими наборами из-за массового бегства новобранцев. И если бегство от сословных повинностей советская историография причисляла к главным проявлениям классовой борьбы, то и от бывшего шведского майора не ускользнула общественная природа этого

феномена, на его родине отчасти смягченного обращением крестьян в солдаты не всегда «с охотою», но всегда «за добрыми поруками». Здравомысленно рассуждая, что при всем сходстве военной организации «в государстве шведском... и императорского величества в государстве» принудительности наборов «в губерниях» не отменить¹⁰, он сделал мишенью критики саму их практику.

Она и оказывается в фокусе при попытке «объявить способы», которыми «непорядки и ненадобные расходы... исправлены и отставлены могут быть». Причина страха перед «солдатством» в народе, который толкает его к сдаче заведомо негодных, по «Предложению» – прежде всего заведомый же страх властей, заставляющий вести принятых «яко заключенных в чепях и кандалах». Затем то, что в дороге часто «оним надлежащий провиант не дается», а неумелые «в старании иметь» его командиры «неправдою» расходуют положенные суммы и гонят партии с «поспешением», почему прибывшие на место «едва дыхание имеют». Тогда как того и другого можно бы избежать, провожай рекрут опытные обер- и унтер-офицеры, обязанные письменной отчетностью и служебными взысканиями за их «здравие» вплоть до привода в часть. И намечая маршрут, чтобы переходы не превышали 15 верст в день с отдыхом через два на третий.

Первогодков, далее, не следует приравнять к остальным в наказаниях и «наипаче» в «караулах» и «работах», раз они «учатся», а многие «еще и в двадцать лет не вступили». В Швеции возраст призыва рационально «определен» 24–36 годами, так как моложе 23-х и старше 50 нередко смерть от перенапряжения вопреки ожиданиям от рядовых короной и «землей» 10–15-летней эффективности. В России же что-то делать с бессильными волочить на себе во «всегдашних маршах» до 8 дней кряду 2 пуда ружья, амуниции и провизии приходится полковникам, которые, за недостатком вакансий барабанщиков, лишь отправляют малолеток в извозчики, чьи нагрузки на поверку не легче строевых¹¹.

Между тем помочь выйти из череды «насильств» и изнурений с неизбывным полковым некомплектом и всеобщими убытками могло бы и «определение» о внутренних гарнизонах. Там рекруты несколько лет осваивались бы и обучались у «добрых» унтеров. А привычные к службе, напротив, не теряли навыков за 3–4 года «втуне» при ежегодных переводах четверти состава в полевые полки и во флот на восполнение от одной восьмой до одной шестой их убыли¹².

Из сказанного одно «определение о провожании рекрут» удостоилось резюме А.В. Макарова, в повестку дня Комиссии, впрочем, не попав¹³. Некую реплику на него можно прочесть разве в высочайше утвержденном 28 октября 1734 г. докладе Сената о дополнениях к Правилам о содержании рекрут 1719 г., где речь шла об улучшениях по заготовке продовольствия «провожатými офицерами» и «маршах» до 30 верст в день не более двух дней подряд¹⁴. По «излишним» же для армии мирного периода людям и лошадям и особенно по табельным «срокам вещам» различие рассматриваемых позиций было еще серьезнее.

В «Предложении» те, кто «в полках обретається» без места «в рядах и шеренгах» – извозчики, плотники, профосы и «протчие», – едва упомянуты с комментарием, что «означить» о них среди «разных еще дел» можно, «когда случай позовет». И всего в два листа уложены наблюдения о сдаче в цейхгаузы или продаже за бесценок портупей, перевязей, пороховых ящиков или фузей, шпаг, пистолей и пик, которые при должной заботе могли бы употребляться десятилетиями¹⁵.

Верховная власть надеялась именно сокращением номенклатуры чинов и продлением службы полковых принадлежностей удешевить армию всю вторую половину 1720-х гг. и вынесла этот мотив на знамя Комиссии 1730 г. Другое дело, что экономия по линии «припасов» была достигнута там, как считается, лишь на бумаге, а от радикальной убавки нестроевых и обоза к 1736 г. пришлось отказаться¹⁶. Перерасчеты казенных расходов вовсе пропали бы даром, не совмести их комиссиональный генералитет с тщательной проработкой нормативов всех видов довольствия, к объему этих расходов отнюдь не сводимого.

При зависимости боеспособности от снабжения, а снабжения от успехов борьбы с коррупцией вокруг него и приспособления к ситуации в социуме военное хозяйство – предмет непрестанных забот командно-политического руководства. Естественно, что и И.-Б. Кампенгаузен, «аншефт» среднего звена, таких забот не был чужд. Примечательнее, что их болевой точкой и к 1730-м гг. остался мундир, несмотря на все реорганизации в удовлетворении жизненных потребностей военнослужащих (обычно через Кригс-комиссариат) в 1720-е гг. (включая расположение денежных и натуральных сборов на армию и ее участие в их взыскании)¹⁷.

«Предложение» разделяет взгляд на равноценность живой силы и ее материального обеспечения, согласно которому с гибелью человека государство терпит «двойной убыток, а именно в человеке и в мундире». Но ищет в нем иного ракурса, убеждая Петра, что без упорядочения по «примерам» Швеции мундирных дач и его армия «никогда... определению свою не получит»¹⁸. Сквозь «примеры» же приема «там» каждой «вещи» «по пробе» и оправдание «здешних» рядовых, которые сначала тратятся на покупку рубах, чулок и обуви в ущерб пропитанию, а потом избавляются от выданного с задержкой, чтобы «на маршах не таскаться»¹⁹, проступает реальность. Реальность, в которой как будто и не слышали об «образцах», по штатам 1711/12 г. гарантирующих «доброту» предметов обихода, и многочисленных артикулах об их порче. Но весьма важно, чтобы полк епанчами, шляпами и камзолами был «издали украшен». И еще важнее, дабы никто не мог обвинить вдруг решившихся бы восстать против подлогов и «негодностей», что они «императорского величества мундир хулят»²⁰.

Комиссия 1730 г. «мундирному пункту» программы посвятила наибольшее количество времени²¹, сформулировав свои соображения в «мнении», узаконенном 7 августа 1731 г.²² В нем нашлось место для улучшения положения с бельем, башмаками и сапогами, снижения веса солдатской поклажи и прорисовки назначения, качества и кроя деталей военного костюма с этапами их обращения от приобретения сырья до распределения конечного продукта между старослужащими, рекрутами, отставными и даже наследниками умерших. Пусть распоряжения, опирающиеся на действующую схему пребывания войска на вечных квартирах, в очередной раз пересмотренный статус Кригс-комиссариата и адекватные периоды цены продержались недолго. И, наоборот, долго еще были благими пожеланиями, неоднократно повторяясь, декларации о единообразии мундира, соблюдении новых «образцов» и знаков различия частей.

Принципиальное проведение смешанного способа (поставка, подряд, покупка) обмундирования рядовых, по заключению военного историка Н.И. Соловьева, переросло в систему, которая дожила до реформ Александра II²³. А это показывает, что по крайней мере в данной (и почти неотделимой от нее «амуничной») отрасли полкового хозяйства в 1730-е гг. добились как точной юридической трактовки правительственных намерений, так и их практического

воплощения. То есть далеко опередили прекраснотушные сожаления И.-Б. Кампенгаузена о «бедных солдатах», полудетых и разутых, помогать которым офицерам препятствует бесправие «выметать» (списывать) что-либо до истечения штатного «срока».

Чаемые права – как ему и виделось, посредством вписывания «комиссариатских» (формально существующих с 1711) смотров в контекст смотров «генеральных» – тогда тоже были дарованы, – и быстро переродились в традиционное затем переключивание всякого списания на «смотрящих» генералов²⁴. Но очерченный в «Предложении» идеал генерального смотра или «мунствования» зримо съезжился, хотя высокие вневедомственные полномочия лиц, избираемых к данным акциям, и их приуроченность к выводу полевых полков в летние лагеря и обратно затронуты не были.

То же можно сказать о понятии «смотра и мунствования», освоение которого у нас связывают с одноименной «запиской» 1704 г. фельдмаршала Б.-Г. Огильви, вместе с другими его наработками учтенной регламентами-предшественниками Воинского устава 1716 г.²⁵ Термин «мунствование» или, в уточненной позднейшей транскрипции, «муштрование» (от немецкого *mustern* – производить смотр)²⁶ должен был высветить новизну смотра как присущего «регулярству» инструмента контроля соответствия целых частей общим стандартам относительно привычки к смотру как «разбору» служилых людей по степени их единичной годности.

Подразумеваемое им разграничение строевой и материальной «исправности» привилось постольку, поскольку удостоверение в правильном содержании вооруженных сил законодатель вменил не «командующим аншефтам», а непосредственно занятым вещевым и денежным довольствием чинам, с 1700-х гг. прочно называвшимся, на французский манер, комиссарами. Но ни придать «комиссариатским» проверкам постоянства, ни переадресовать их высшим командирам, чьи спорадические освидетельствования тех или иных полков ради «баталлий» либо подозрений в «передаче жалованья» оборачивались прежним «разбором», не удалось²⁷. Откуда, вероятно, и опять поднимавшее вопрос о смотре-ревизии возвращение к «мунствование».

Морской устав 1720 г. поручал его корабельным капитанам, не вступая в разъяснения о субординации с «також» участвующими в процессе корабельными комиссарами²⁸. И.-Б. Кампенгаузен предполагал иерархию «комисских» и «генеральных» смотров

при доминировании последних в силу их проведения «генерал-мунстергерерами» шведского типа. В актах 1730-х гг. генерал-мунстергереры при буквальном переводе стали генерал-инспекторами, в русской армии еще не бывавшими, что упростило воссоединение надзора за ее обеспеченностью и обученностью без вмешательства в компетенции комиссаров и полковников. По Инструкции от 7 декабря 1731 г.²⁹ войска «смотрелись», с одной стороны, в «людях, мундире, ружье, амуниции и лошадях», с другой – «в экзерцициях, в маршах, в караулах», «в квартирах, командированиях и компанентах». И квалифицировались, исходя из уже усовершенствованных Комиссией штатов и уставов, усовершенствовать которые предстояло в «Экзерциции пешей» и «Экзерциции конной»³⁰.

Равновесность обоих подходов к оценке «состояния» полков выдержала испытание временем и в начале XIX в. воспринималась как нечто само собой разумеющееся³¹. Но повеление попутно «приводить в одинаковое действо» «рознь» между ними в служебном отягощении внятыми критериями не сопровождалось. Ничего не проектировалось и для «особливого старания» генерал-инспекторов о своевременном получении рядовыми мундира и удовлетворении словесно заявленных ими «обид» от офицеров, которых тоже спрашивали об «обидах» от начальства. Говорить о жизнеспособности названных «уравнительных» постулатов поэтому вряд ли стоит. Зато, кажется, вполне можно говорить о том, что при их внесении в Инструкцию от текста И.-Б. Кампенгаузена все-таки отталкивались.

Констатируем во всяком случае несомненные параллели с «Предложением», которое из несовпадения боевых и церемониальных приемов пехотных, кавалерийских, полевых, гарнизонных и даже однородных подразделений, их неравенства в нарядах и награждениях выводит унижение чести и трудов всех военных, из-за чего им нельзя «как чеши вместе висеть». И ждет пресечения этого вреда «полной властью и силой» генерального смотра, подаваемые которому «табели командрований» и именные списки с отметками о «добрых заслугах» каждого лягут в основание монаршей «справедливости или юстиции». Повышения с уважением «по должности своей... покорного послушания» и «тщания... в своей службе искуснее быть» укрепят дисциплину («подчинение») «яко душу при войске».

Они же стимулируют солдат к грамотности (без которой не произвестись в унтеры), а офицеров к превращению в способных писать «репортации» «добрых экономов и бухгалтеров» (благодаря чему воцарится порядок «на марше» и благополучие «на квартирах»). Кроме того, лишение милостей «ленивых» и «виноватых» нейтрализует «людей злых», очередность военных и мирных назначений и их соразмерность наличной мощности полков отвратит от напрасных истощений и губительной праздности, а «генеральный счет» материальной части освободит государство и народ от лишних платежей³².

В увлечении «великим сокровищем» генерального смотра автор был склонен переходить от полудетских воспоминаний о мудрости Карла XI и зрелых заметок о повседневности армии, победившей Карла XII, к утопическим построениям альянса Петра I с его армией, а армии с крестьянством и шляхетством в «несказанной любви». Но и за вычетом вытекающих отсюда сентенций смотр-инспекция предстает в «Предложении» высшим институтом военного управления, замыкающим на себе преодоление всех его недостатков. Программа 1730 г. отводит ему роль чисто монофункционального инструмента для поддержания устанавливаемых «учреждений... ненарушимо»³³. Инструкция же по его проведению 1731 г. ставит во главу угла генерализацию заложенного в «сочинение смотровых списков и табелей» учета всех штатных единиц. И этот учет с тех пор действительно укореняется, органично согласуясь с выдвиганием на передний план всех нововведений «форм» полковой документации.

Напомним, что И.-Б. Кампенгаузен с «изобретения» книг о «прибыли» / «убыли» персонала с его материальными средствами и о совершаемых им «маршах» свой творческий акт начал. Летопись таких сведений, сперва показавшаяся, по его словам, подчиненным «противной... и весьма невозможной», более или менее подробно «держала» любая «регулярная» часть. Сам же он находил одинаково непристойным и «себя хвалить», и распространяться об «общей пользе» того, что уже хвалил Петр. Поэтому предположим, что достойное подражания отличие «Кампенгаузенова полка» царь усматривал в пополнении собираемой информации «повсюдно», по раз (с 1713) выделенным номинальным группам («ордеров», «рапортов», «паролей и лозунгов», «ведомостей», «табелей») и приходно-расходным статьям (жалованья, провианта и фуража,

«припасов»). Непривычность разнесения текущих данных по «ну-мерам», по-видимому, и нуждалась в «росписи» с аннотациями, зачем каждая из книг № 10–12 «имеется»³⁴.

Помимо повторения излагаемого в других разделах, в них подчеркивалось, что «книги» удобны для полка, освобождая его от возов бумажных «связок». Последний довод вошел в преамбулу «форм» 1732 г. о «книгах, рапортах, годовых ведомостях и счетах», предопределив печальное для науки уничтожение полковых архивов разрешением сдавать их в местные гарнизоны. Никакая иная аргументация обязательности 29 нумерованных (и 8 ненумерованных) переплетов не предпосылалась – не потому ли, что те же переплеты не встретили возражений в войсках под Петербургом, куда посылались на отзыв³⁵, и просто могли выглядеть счастливой альтернативой чуть ли не 50 канонам Морского устава 1720 г. и Регламента об управлении Адмиралтейства и верфи 1722 г.³⁶

Сквозь призму «морского» эталона, не имевшего в виду «журналов» с подробностями всех «поступков» корабельной команды, не удивляет и отсутствие таковых в «сухопутном» реестре 1732 г. Но относительно списка И.-Б. Кампенгаузена это означает отказ ровно от тех «писем», которые «обличают» офицеров всех рангов в пренебрежении приказами и «оправдывают» их в представлении вышестоящим инстанциям о бедах своих подчиненных (№ 10–12), необходимы для «минования споров» всех друг перед другом «в службах и трудах» (№ 8) и, наконец, для достойного «ответа,.. ежели что о походах спросится, а особливо когда для сочинения гистории» (№ 7)³⁷.

В поле зрения верховной власти попадала в итоге преимущественно денежно-хозяйственная отчетность, радикально сравнительно с адмиралтейской упрощенная³⁸ и доведенная до уровня роты (что И.-Б. Кампенгаузен внедрял в своем полку по собственной инициативе)³⁹. А вместе с ней «форма о людях», которая вслед за «смотровыми списками» 1731 г.⁴⁰ удовлетворяла запросу на анкетирование всего личного состава в масштабе, ни в Регламенте Кригс-комиссариату 1711 г., впервые коснувшемся персональных данных, ни в «сказках» по полевой армии 1720–1721 гг. не приложимом даже к офицерам. Так что кроме фамилий, имен и отчеств, чинов, их «перемен» и бытности «налицо» значимыми становились возраст, социальное происхождение, длительность службы в настоящем чине и даже спецификация командировок⁴¹.

Овладение универсальным средством учета военных кадров знаменовало заметный шаг вперед государственности, в которой армия – и опора престола, орудие победоносных войн, и потребитель почти половины бюджета, и аккумулятор крупнейшей дееспособной группы правящего класса, и основной источник пополнения административного аппарата, и ведущий фактор «добротного порядка» вообще. Не менее показательны облечение в «табели» составляющих материального обеспечения в их движении, поставившее его на такую же твердую почву, какую структуре и финансированию вооруженных сил в целом обеспечивали штаты, тоже чаще именуемые современниками Табелью.

Утверждение и периодические, примерно раз в 10 лет, пересмотры Табели как своего рода армейской конституции в течение XVIII в. предпринимались как акции национальной важности. Механизм же непрерывного табельного учета с начала 1730-х гг. приводили в работу весенние и осенние смотры, которые скоро утратили приставку «мунстрования»⁴² и приобрели, наряду с всевропейской ролью органа контроля за боеспособностью, другие специфические свойства, в том числе и функции легализации «вымета» из полков «ветхостей». Дальнейшая регуляризация таким образом пространства вширь и вглубь (в смысле охвата хозяйственного сегмента и проникновения в роту) с закреплением ответственности «за все» за снабженным «табелями» на любой случай офицерским корпусом завершила военное строительство Петра I.

Перед успехом реформ 1730-х гг., которые стали залогом поступательного развития России в заданном им направлении, «Предложение» И.-Б. Кампенгаузена, сумевшего сыскать лишь мимолетную похвалу преобразователя, меркнет. Оно несомненно проникнуто характерной для эпохи уверенностью, что какие бы то ни было пороки окружающей действительности могут и должны быть исправлены разумными «определениями». Готовность автора участвовать в их «изобретении» столь же несомненно питается осознанным следованием устоявшемуся к началу 1720-х гг. идеалу «добротного и честного офицера», кругозор которого и ограничивается его мировоззрением. Кругозор этот, однако, довольно широк и против «своей братии» полковых командиров обогащен службой (до 1711) в шведской армии и наслышанностью о ее славном реформировании в последней четверти XVII в. Карлом XI.

В намерении приложить его опыт к армии «императорского величества» И.-Б. Кампенгаузен хотел ликвидировать изъяны, недомогательство которыми, думается, и порождало угаданное П.О. Бобровским стремление к иным относительно 1710-х гг. порядкам⁴³, разделяемое и Петром, до конца жизни обращавшимся к военному законодательству. В начале 1730-х гг. актуальность вопросов о рекрутах и мундире, «излишних» чинах и вещевых «сроках», однокалберном ружье и одинаковых уставах, полковых отчетах и смотрах была озвучена с высоты престола. И в донесении их до этой высоты есть заслуга и «Предложения», которое в руках тех, кто делал военную политику, побывало.

В ее реализации конструкции И.-Б. Кампенгаузена, по-своему логичной, но умозрительной, не разглядеть – просматриваются лишь отдельные элементы, иногда объединенные в блоки, которые причастные к правлению лица могли черпать как из его произведения, так и из прямо наблюдаемых им обстоятельств. Но это не умаляет значения «Предложения» как итога многолетних стараний автора на благо петровской армии и единственного известного пока выражения цельного взгляда на нее изнутри.

¹ РГАДА. Ф. 9. Отд-е I. Кн. 29. Л. 399–437 об.

² Предложение, как по обыкновенным определениям в государстве швецком, так и императорского величества государстве, понеже во многом сходства имеют, воинство в доброй порядок приведено может быть, також от прежних происходящих убытков миновать, и по тому казну и людство всего российского государства в воинских делах розмерно содержать, сочиненное в 1721-м году, которой обоим оным государствам служил: Там же. Л. 399.

³ 1. О мунстрировании или смотрах... 2. О... перемене негодного мундира и ружья... 3. ...Пункт состоит в содержании порядочных полковых книг, а особливо щетов... 4. ...Пункт состоит в объявлении способов, которым[и] некоторые непорядки и ненадобные расходы... отставлены могут быть: Там же. Л. 401.

⁴ См. мою статью «А.В. Макаров и Воинские комиссии 1730-х гг.» в сборнике «Петровское время в лицах–2012» (СПб., 2012. С. 37–46).

⁵ Бумаги Кабинета министров императрицы Анны Иоанновны, 1731–1740 гг. / Собр. и изд. А.Н. Филипповым. Юрьев, 1902. Т. 5. С. 5 (Сб. РИО. Т. 114). Отыскали ли их тогда, не установлено, как и местопребывание подлинника «Предложения» и экстракта из него: первого не было в макаровских «бумагах» уже на момент их внутриахивного оформления к осени 1728 г., а второе, с другими итоговыми выкладками, изъяли уже позднее: РГАДА. Ф. 9. Отд-е I. Кн. 29. Л. 7.

⁶ Там же. Л. 407 об., 412 об.–414; ПСЗ. Т. 8. № 5571. § 5–6.

- ⁷ Судя по их отчетности, предъявленной Военной коллегией Воинской комиссии в ноябре 1731 г., они оба раза охватили примерно треть полевых и гарнизонных полков: РГВИА. Ф. 23. Оп. 1/121. Ед. хр. 207. Л. 10–24.
- ⁸ Бумаги Кабинета. Сб. РИО. Т. 94. С. 585; РГВИА. Ф. 23. Оп. 1/121. Ед. хр. 507. Л. 1–62 об.
- ⁹ РГАДА. Ф. 248. Кн. 2008. Л. 96–97.
- ¹⁰ Там же. Ф. 9. Отд-е I. Кн. 29. Л. 426, 428–429.
- ¹¹ Там же. Л. 425–426, 427–430 об.
- ¹² Там же. Л. 426 об., 430 об.–431.
- ¹³ Там же. Л. 482. «В рекрутах облегчения» указ от 1 июня 1730 г. надеялся достичь за счет «солдатских детей» (ПСЗ. Т. 8. № 5571. § 12), за выявленной малочисленностью которых (Петрухинцев Н.Н. Царствование Анны Иоанновны. Формирование внутриполитического курса и судьбы армии и флота, 1730–1735 г. СПб., 2001. С. 165) вопрос был попросту снят.
- ¹⁴ ПСЗ. Т. 9. № 6643.
- ¹⁵ РГАДА. Ф. 9. Отд-е I. Кн. 29. Л. 433, 434 об.–436 об.
- ¹⁶ Соловьев Н.И. Исторические очерки устройства и довольствия русских регулярных войск в первой половине XVIII стол. (1700–1761). СПб., 1901. С. 215–216; Петрухинцев Н.Н. Указ. соч. С. 154–156, 158–162, 181, 319.
- ¹⁷ Соловьев Н.И. Указ. соч. С. 100–145.
- ¹⁸ РГАДА. Ф. 9. Отд-е I. Кн. 29. Л. 412.
- ¹⁹ Там же. Л. 406 об.–412.
- ²⁰ В убедительное опровержение тезиса о парализующем влиянии на власть командиров положений Воинского устава 1716 г. о «контроле комиссара, доносе фискала, протесте офицера»: Бобровский П.О. Военное право при Петре Великом. Ч. 2, вып. 2: Артикул воинский (с объяснениями преобразований в военном устройстве и военном хозяйстве по русским и иностранным источникам). М., 1886. С. 420.
- ²¹ РГВИА. Ф. 23. Оп. 1/121. Ед. хр. 507. Л. 15 об., 18 об.–23, 25–34, 89–101 об. и др.
- ²² ПСЗ. Т. 43, ч. 1. № 5836.
- ²³ Соловьев Н.И. Указ. соч. С. 114–115, 120–134, 144–146, 161–162.
- ²⁴ ПСЗ. Т. 8. № 5900, 5904; Т. 9. № 6796, 7097; Соловьев Н.И. Указ. соч. С. 138.
- ²⁵ Калашников Г.В. Учет офицерских кадров русской армии в 1700–1745 гг. // Клио. 2000. № 3. С. 116–117.
- ²⁶ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с нем. М., 1987. Т. 3. С. 21; Бобровский П.О. Указ. соч. С. 312.
- ²⁷ Ср.: РГАДА. Ф. 9. Отд-е I. Кн. 29. Л. 415; Калашников Г.В. Указ. соч. С. 117.
- ²⁸ ПСЗ. Т. 6. № 3485. Форма табели № 1.
- ²⁹ Там же. Т. 8. № 5900.
- ³⁰ Байов А.К. Русская армия в царствование императрицы Анны Иоанновны: Война России с Турцией в 1736–1739. СПб., 1906. Ч. 1. С. 40.
- ³¹ Тучков С.А. Военный словарь, заключающий наименования или термины в Российском сухопутном войске употребляемые... 2-е изд. М., 2008. С. 145–146.
- ³² РГАДА. Ф. 9. Отд-е I. Кн. 29. Л. 420 об.–424.
- ³³ ПСЗ. Т. 8. № 5571. § 10.
- ³⁴ РГАДА. Ф. 9. Отд-е I. Кн. 29. Л. 416.
- ³⁵ РГВИА. Ф. 23. Оп. 1/121. Ед. хр. 507. Л. 109.
- ³⁶ ПСЗ. Т. 6. № 3937.

³⁷ РГАДА. Ф. 9. Отд-е I. Кн. 29. Л. 417 об.–418.

³⁸ Вплоть до готовых «табелей», в «столбцы» которых оставалось внести даты, имена, суммы и «штуки». Специальные (сверх письма и простейших арифметических выкладок) навыки вроде умения различать цены «табельные» и реальные, а вещевые поступления по плану и по факту требовались от немногих должностных лиц, заполняющих книги о мундире и амуниции, о провианте и фураже и о лошадях.

³⁹ РГАДА. Ф. 9. Отд-е I. Кн. 29. Л. 419 об. При оформлении на этом уровне и «журналов» отданных приказов.

⁴⁰ Их форма дублировалась с единственной заменой «пункта», был ли под военным судом, свидетельством, здоров или болен.

⁴¹ Подробнее см.: Калашников Г.В. Указ. соч. С. 116–124.

⁴² Понятие это начинает эволюционировать к зафиксированному в первой трети XIX в. значению муштровать – «держаться строго» и «придирчиво взыскивать, уча» (Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб., 1881. Т. 2. С. 363), приобретая затем отчетливо негативный оттенок в «муштре» и «муштровке».

⁴³ Бобровский П.О. Указ. соч. С. 420.